

Без вины виноватые

*Комедия
в четырех действиях*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(ВМЕСТО ПРОЛОГА)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Любовь Ивановна Отрадина, девица благородного происхождения.

Таиса Ильинишна Шелавина, девица, товарка Отрадиной.
Григорий Львович Муров, молодой человек из губернских чиновников.

Аннушка, горничная Отрадиной.

Арина Галчиха, мешанка.

Действие в губернском городе. Комната небогатой квартиры на самом краю города; двери справа и слева во внутренние комнаты, в глубине окно и входная дверь; мебель простая, но приличная, в комнате чисто и уютно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Отрадина сидит за столом и шьет воротничок. Аннушка подле нее шьет платье.

Аннушка (*откусывая нитку*). Вот, барышня, и готово. Сами скроили, сами и сшили, не хуже другой портнихи.

Отрадина. Да, разумеется, не хуже.

Аннушка. И какое бесподобное платье вышло.

Отрадина. Ну, уж и бесподобное!.. Нет, вот я вчера к портнихе за выкройкой для воротничка ходила, так видела платье... вот то так уж действительно бесподобное. Таисе Ильинишне подвенечное шьют.

Аннушка. Слышала я, слышала, а платья не видала. Небось дорогое?

Отрадина. Да, дорогое; рублей шестьсот, коли не больше, стоит.

Аннушка. Ай, что вы? Шестьсот?.. Шесть таких бумажек сотельных?

Отрадина. Да ведь белый фый; сколько тут его пошло? Да настоящие брюссельские кружева.

А н н у ш к а. Шесть сотельных! Ай, ай, ай, ай!.. Да на эти деньги можно все приданое сшить; хорошей барышне, благородной можно сделать, а она только одно платье.

О т р а д и н а. Что ж ей не щеголять, коли она так богата!

А н н у ш к а. Все ж бы ей надо хоть немножко постыдиться, не вдруг свое богатство-то показывать.

О т р а д и н а. Что ты за вздор болтаешь!

А н н у ш к а. Да уж очень мудреные дела-то на свете творятся.

О т р а д и н а. Что тут мудреного? Самое обыкновенное дело: деньги ей достались по наследству от богатых родственников.

А н н у ш к а. Да как же это так по наследству, коли у нее, окромя двух теток, и родственников-то нет.

О т р а д и н а. Это ты почему знаешь?

А н н у ш к а. Слухом земля полнится.

О т р а д и н а. Много ведь и пустяков говорят, Аннушка.

А н н у ш к а. Нет, уж чего не было, так говорить не станут. Кому нужно! Бедно ведь жили здесь Таиса-то Ильинишна с своей тетенькой, все их знали, а я так и очень хорошо; время-то недавнее, всего три года. А познакомился тогда с ними богатый барин, старичок, из Сибири приехал, золотых песков там у него, говорят, много, ну, и увез их отсюда... Тетка-то из Москвы сейчас же и вернулась, а Таиса Ильинишна поехали с ним на теплые воды. Там старик-то и помер, да и отказал все свои деньги и все пески золотые Таисе Ильинишне, вот она и разбогатела. Приехала сюда, да теперь шику и задает. Тетка-то у ней теперь как заместо прислуги.

О т р а д и н а. А ты девушка молоденькая, ты не все говори, что слышишь, — стыдно.

А н н у ш к а. Что ж за стыд, коли правда! Стыдно-то не тому, кто говорит, а тому, кто делает.

О т р а д и н а. Все-таки лучше помолчать. Она мне товарка, мы с ней вместе учились. Мы и до сих пор знакомы.

А н н у ш к а. Так разве она вас понимать может, разве она ценит ваше знакомство-то? Вот уж с месяц она к вам и не заглянет.

О т р а д и н а. Ей некогда, она теперь хлопочет, замуж выходит.

А н н у ш к а. Что и замуж-то выходит, вы от портнихи узнали. А еще приятельницей называется! А ей бы прежде всего к вам: так и так, мол, думаю замуж выйти вот за такого-то. Как посоветуешь? Вот как добрые-то люди делают!

О т р а д и н а. А за кого она выходит, ты не слыхала?

А н н у ш к а. Кто говорит, за офицера; а кто — за особых поручений.

О т р а д и н а. Каких... особых поручений?

А н н у ш к а. Чиновники такие есть. Вот бы свадьбу-то посмотреть, да венчаться будут, говорят, в имении, пятьдесят верст по железной дороге да там верст двадцать в стору.

О т р а д и н а. Откуда ты такие сведения получаешь?

А н н у ш к а. Мы скорее вашего всё узнаем. Я от мастериц у портнихи слыхала. Кабы дело-то чисто было, так не стала бы венчаться в деревне, точно украдкой.

О т р а д и н а. И все-таки не нужно об ней дурно говорить; такими разговорами можно дело расстроить, помешать.

А н н у ш к а. Помешаешь ей! Да кто ж на ее капитал не польстится, какая бы она ни была. Нет, таким-то всегда счастье; а хорошие барышни жди да пожди. Вот вы скоро ль дождетесь хорошего жениха! Другой бы, может, и взял; вот хоть бы, например, Григорий Львович, да...

О т р а д и н а. Что «да»?

А н н у ш к а. Да приданого нет.

О т р а д и н а. Так ты думаешь, что только за тем и дело стало?

А н н у ш к а. А то за чем же? Нынче народ-то какой? Только денег и ищут; а не хотят того понимать, что коли у вас приданого нет, так вы зато из хорошего роду; образование имеете, всякое дело знаете. А что ваши родители померли да вам ничего не оставили, так кто ж этому виноват!

О т р а д и н а. Так, так; отлично ты рассуждаешь. А вот погоди, и я разбогатею, так замуж выйду.

А н н у ш к а. А что ж мудреного вам разбогатеть? У вас есть бабушка богатая.

Отрадина. Во-первых, она очень дальняя родня, а вторых, у ней прямых наследников много. Да кстати, она писала мне из деревни, что сегодня будет в городе, так заедет ко мне чай пить. Надо кипяченых сливок изготовить, она до смерти любит. Нет, я и так, без бабушек разбогатею.

Аннушка. С уроков-то разбогатеете? Это в нашей стороне-то? Невозможно этому быть.

Отрадина. Да, правда твоя, здесь сторона купеческая, образование не в ходу.

Аннушка. На что им ученье! Они с капиталами при всем своем полном невежестве прожить могут.

Отрадина. А не разбогатею, так, может быть, и без приданого добрый человек возьмет. Как ты думаешь? У меня такой есть на примете.

Аннушка. Дай-то бог! Только ведь и мужчины-то нынче...

Отрадина. А что?

Аннушка. Да сначала очень завлекательны, а потом часто бывают даже и очень обманчивы.

Отрадина. А ты почему знаешь?

Аннушка. Да ведь я живой тоже человек, разве не вижу, что на свете-то делается!.. *(Складывает платье.)* В шкаф, что ли, повесить?

Отрадина. Оставь тут! Я его еще раз примерю и спрячу.

Аннушка. Так пойти за свое дело приняться. У нас в кухне-то никого нет, не вошел бы кто.

Отрадина *(взглянув в окно)*. Ты прежде отопри: Григорий Львович идет; а потом уж и ступай за своим делом.

Аннушка отпирает, выпускает Мурова и уходит в дверь направо.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Отрадина и Муров.

Отрадина *(встречая Мурова)*. Ах, мой милый, как я рада!..

Муров. Здравствуй, Люба!.. Ты, должно быть, сегодня рано встала; уж и одета, и причесана, точно ждешь кого.

Отрадина. Чему ты удивляешься, я не понимаю; я всегда так встаю. Да ведь ты сам сказал, что придешь ко мне сегодня рано, тебе нужно о чем-то поговорить со мной.

Муров. Ах да, я и забыл совсем. Да, точно, я ведь говорил тебе.

Отрадина. Да ты что-то и всегда стал рано приходиться ко мне, как будто боишься кого.

Муров. Ах, боже мой! Разумеется, боюсь, только не за себя, а за тебя. Очень просто, я не хочу, чтоб про тебя дурно говорили.

Отрадина. Благодарю, мой милый, благодарю! Однако ты прежде этого не боялся. Да ведь уж разве скроешься? Уж и теперь мне намекают: «Скоро ли, барышня, Григорий Львович женится на вас». Лучше бы не прятаться, а эти толки прекратить.

Муров. Уж чего бы лучше, но, к несчастью, мой друг, это пока невозможно.

Отрадина. Как невозможно? Почему? Что ты говоришь? Я не могу этому поверить.

Муров. Маменька не согласится; да и согласится ли она хоть когда-нибудь, я не знаю, а я без ее воли шага шагнуть не смею.

Отрадина. Что же ей нужно?

Муров. Ей нужно, чтоб я женился на девушке богатой и с сильной родней.

Отрадина. Всё это новости для меня; я тебя знаю четыре года, а ты мне ни слова.

Муров. У меня до сих пор и разговора с маменькой об этом не было.

Отрадина. Да как же так? Ты не имел права молчать, ты обязан был говорить обо мне.

Муров. Что ж делать... Виновато во всем мое воспитание; я человек забитый, загнанный. Извини меня — ну, я просто боялся. Но, наконец, мне надоело быть постоянно под опекой. Ты сама посуди. Я совершеннолетний, а не смею ступить шагу без позволения, не смею ничем распорядиться, каждый рубль должен просить у нее.

Отрадина. Ну, ну!..

Муров. Я стал просить ее, чтоб она отделила мне часть имения или дала приличное содержание: тысячи три-четыре в год. Она сказала, что не даст мне ни гроша, пока я не женюсь по ее выбору.

Отрадина. Ну, что же ты, что же ты?

Муров. Ах, не спрашивай меня, пожалуйста! У меня голова кругом идет.

Отрадина. Но ты пойми же, что мне нужно знать на-верное твои намерения, твои мысли; иначе мне жить нельзя.

Муров. Мои намерения?

Отрадина. Да, да, твои намерения.

Муров (*смущенный*). Ну, что же... Ну, ты их знаешь... Могу ли я, в состоянии ли я?.. Моя обязанность...

Отрадина. Ну, да, да! Я надеюсь, что ты твердо знаешь свою обязанность. Мне нельзя сомневаться в тебе; а то пытка ведь это, пытка... Ты должен помнить каждую минуту, что у нас есть сын. Ты редко его видишь, а я вчера была у Галчихи. Ведь он уже понимать начинает. Ласкается ко мне, мамой, мамочкой зовет. А он врозь со мной, он у женщины необразованной, корыстолюбивой... Я измучилась, я ночи не сплю, мне все думается: сыт ли он, покойно ли он спит. Гриша! Ты хоть бы поглядел на него, полюбовался. Что это за ангел!

Муров. Ты очень любишь нашего Гришу?

Отрадина (*с удивлением*). Еще бы. Что это за вопрос? Разумеется, люблю, как только можно любить, как нужно любить матери.

Муров. Да, да... Конечно... А что, Люба, если вдруг этот несчастный ребенок останется без отца?

Отрадина. Как без отца?

Муров. Ах, боже мой! Ведь все может случиться. Я езжу много, могут меня лошади разбить, ну, там... на железной дороге что-нибудь случится.

Отрадина. Да что за разговоры, помилуй! Что ты меня мучить пришел сегодня, что ли?

Муров. Ах, Люба, всегда надо предполагать худшее, чтоб быть готовым. Ну, вот я и думаю: что ты будешь делать с Гришей, если меня с вами не будет?

О т р а д и н а. Ах, отстань, пожалуйста! Пожалей мои нервы!

М у р о в. Ох, нервы, нервы! Вот то-то и горе наше, что у вас нервы очень слабы.

О т р а д и н а. Если ты спрашиваешь серьезно, так я тебе отвечу. Ты не беспокойся: он нужды знать не будет. Я буду работать день и ночь, чтобы у него было все, все, что ему нужно. Разве я могу допустить, чтоб он был голоден или не одет? Нет, у него будут и книжки и игрушки, да, игрушки, дорогие игрушки. Чтобы все, что у других детей, то и у него. Чем же он хуже? Чем он виноват? Ну, а не в силах буду работать, захвораю там, что ли... ну что ж, ну, я не постыжусь для него... я буду просить милостыню. *(Плачет.)*

М у р о в. Ах, Люба, что ты, что ты!

О т р а д и н а. Да ведь ты сам спрашиваешь, ты сам хочешь, чтоб я говорила. Чего ж ты ждал от меня, какого другого ответа? Неужели ты предполагал, что я его брошу?

М у р о в. Ах, бедная! Извини меня! У меня и в помышлении не было расстраивать тебя. Оставим эти разговоры, поговорим о чем-нибудь другом.

О т р а д и н а. Ах, да, пожалуйста, о другом. Сделай милость.

М у р о в. Что ты поделяваешь?

О т р а д и н а. Вот платье шила.

М у р о в. Кому это?

О т р а д и н а. Себе.

М у р о в. Хорошенькое?

О т р а д и н а. Дешевенькое. Для меня и это хорошо: у меня золотых приисков нет.

М у р о в. Зато ты сама чистое золото. Да про какие ты прииски говоришь?

О т р а д и н а. А вот про какие! Вчера я видела платье, вот так уж роскошь! Подвенечное, с блондами.

М у р о в. Чье же это?

О т р а д и н а. Таисы Ильинишны Шелавиной.

М у р о в. Как? Что? Что ты говоришь?

О т р а д и н а. Я говорю: Таисы Ильинишны. Ты разве ее знаешь?

М у р о в. Нет, так... слышал про нее.

Отрадина. Она хорошенькая и богатая, не то что я. А была бедная девочка; мы с ней давно знакомы, вместе учиться бегали.

Муров. Неужели?

Отрадина. Ленивая такая была и училась плохо; а вот разбогатела и мужа нашла. Еще девчонкой она нас удивляла.

Муров. Чем же?

Отрадина. А тем, что стыда в ней как-то мало было. А сердце все-таки у ней доброе, надо правду сказать. Не видались мы с ней года три, а встретила меня чуть не со слезами; два раза была у меня, предлагала денег... Я не взяла, разумеется. А вот что хорошо: она обещает доставить мне два урока и постоянную работу. Это для меня очень важно; я могу не тратить моего маленького капитала, поберечь его для сына... а может быть, и на приданое. Послушай! Покажи меня своей матери; я могу ей понравиться, у меня есть способности. Я здесь заглохла. Я, если захочу, могу блеснуть и умом, и своими знаниями, и очаровать старуху.

Муров. Да, да, я не сомневаюсь.

Отрадина. Ну, вот и прекрасно. Я недавно познакомилась с одним семейством, там бывает и твоя мать.

Муров. Все это очень хорошо; но только не теперь; как-нибудь впоследствии.

Отрадина. Отчего же?

Муров. Да вот что, мой друг! Я должен сообщить тебе не совсем приятную новость.

Отрадина. Что еще? Говори скорей! Что за мученье мне сегодня!

Муров. Не бойся! Ничего особенного. Нам надо будет расстаться на время.

Отрадина. Зачем?

Муров. Я еду.

Отрадина. Едешь? Куда же?

Муров. В Смоленскую губернию, потом в Петербург, по делам маменьки.

Отрадина. Надолго?

Муров. Я и сам еще не знаю; месяца на два, а может быть, и больше. Как дело кончится в сенате... Я уж и отпуск взял.

О т р а д и н а. Когда ж ты отправляешься?

М у р о в. Сегодня вечером.

О т р а д и н а. Так скоро? Что ж ты меня не предупредил? Я совсем не приготовилась; я была так весела сегодня, не думала о разлуке с тобой, и вдруг такое горе. *(Плачет.)*

М у р о в. Ну, что за горе? Об чем же плакать? Я, может быть, ворочусь очень скоро.

О т р а д и н а. А Гриша? Тебе не жаль его?

М у р о в. Да разве ему твоей любви мало? Да что, в самом деле, умирать, что ли, я собираюсь? Ну, перестань же! Мне и так нелегко расставаться с тобой, а как ты еще расплачешься...

О т р а д и н а. Ну, хорошо, ну, я перестану. *(Ласкаясь.)* Ты ведь не долго будешь так мучить меня? Скоро мы с тобой уж совсем разлучаться не будем? А? Скоро? Ну, говори же!

М у р о в. Да, конечно, скоро.

О т р а д и н а. Ах, бедный! Довольно ли у тебя денег на дорогу-то?

М у р о в. Довольно! Будет с меня.

О т р а д и н а. Не верю, не верю; твоя матушка не очень расщедрится. *(Достаёт из стола бумажник.)* Вот возьми рублей сто, бери и больше, пожалуй. Мне не нужно, я получу за уроки, да у меня будет работа. Что ж мне делать без тебя? Буду работать от скуки.

М у р о в. Да нет же, не могу я и не хочу брать деньги у тебя.

О т р а д и н а. Отчего же это? Разве я тебе чужая? Разве мы не обязаны делиться друг с другом? Да послушай! *(Пристально смотрит на Мурова.)* Ты меня не любишь или хочешь оставить?

М у р о в. Что за вздор тебе лезет в голову.

О т р а д и н а. Так возьми... Неужели же бы ты не взял от жены своей? Ну, это мой подарок тебе.

М у р о в. Изволь, я возьму. Только, если я увижу, что у меня своих денег будет довольно, ты уж позволь мне вернуть тебе твой подарок.

О т р а д и н а. Ну, там видно будет. А вот еще, мой друг, возьми этот медальон. *(Снимает со своей шеи медальон.)* Носи его постоянно. Тут волосы нашего Гриши; он тебе будет напоминать о нас.

Муров (*берет медальон*). Изволь, изволь, мой друг.

Отрадина. Ах, какое мученье, какое мученье!

Муров. А коли мученье, так надо его кончить поскорей. Прощай, Люба, я еду!

Отрадина. Погоди! Вспоминай обо мне почаще, пиши мне!

Муров. Непременно, непременно. О ком же мне и помнить, как не о тебе.

Отрадина. Как приедешь в Петербург, так напиши!

Муров. Разумеется, сейчас же напишу.

Отрадина. Ну, прощай! Поезжай с богом. (*Обнимает его.*)

Муров. Довольно, Люба, довольно! (*Взглянув в окно.*)
Что это? Кто-то подъехал в карете.

Отрадина (*взглянув в окно*). Шелавина, это ее карета.

Муров (*с испугом*). Ах, как это неприятно!

Отрадина. Да что за беда? Что ты так тревожишься? Ее бояться нечего; она осуждать не станет.

Муров. Как не бояться? Нет, я не хочу, чтоб она меня здесь видела. Это невозможно. Она такая болтливая.

Отрадина. Так ты ее знаешь? А говорил, что не знаком с ней.

Муров. Мне говорили, я слышал... Она идет, спрячь меня!

Отрадина. Да зачем прятаться? Это странно.

Муров. Ах, вот... я уйду в эту комнату. (*Уходит в дверь налево.*)

Отрадина. Пожалуй; только я не понимаю...

Входит Шелавина с коробкой в руках.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Отрадина и Шелавина.

Шелавина. Здравствуй, душка!

Отрадина. Здравствуй, Таиса! Что у тебя за коробка?

Шелавина. Платье подвенечное. Я ведь замуж выхожу: разве я тебе не говорила?

Отрадина. Нет. Да я знаю, я слышала; я и платье-то видела у портнихи.

Шелавина. Вот прелесть-то! Чудо, как хорошо! Не хочешь ли поглядеть его на мне? Вот я сейчас, тут у тебя, и надену его. *(Хочет раздеваться.)*

Отрадина. Не надо, зачем! Еще, пожалуй, войдет кто-нибудь.

Шелавина. Так пойдем к тебе в спальню! *(Идет к двери налево.)*

Отрадина. Да не нужно, говорю тебе. Я и так знаю, что хорошо.

Шелавина. Ну, не надо так не надо. Что ты такая сегодня? Левой ногой с постели встала, должно быть.

Отрадина. Что-то нездоровится, да и встала рано, работала сидела. *(Показывает платье.)*

Шелавина. Себе платье шила? Ах ты, бедная! Я прыгаю, веселюсь, а она вон работает сидит. Как судьба-то несправедлива! Ты лучше меня в тысячу раз и умнее, а живешь бедно; а я вот ни с того ни с сего разбогатела.

Отрадина. Как же это ни с того ни с сего?

Шелавина. Да, конечно. Свалилось богатство неожиданно-негаданно; сошел человек, на старости лет, с ума и наградил. Спасибо ему, я его всегда буду добром поминать; по его милости я как раз и мужа нашла.

Отрадина. Поздравляю тебя!

Шелавина. Не с чем, душечка!

Отрадина. Разве ты не любишь своего жениха?

Шелавина. Да как его любить-то? Шут его знает, что он за человек. Словам его я не верю, да и верить-то им нельзя.

Отрадина. Богат?

Шелавина. Какое богатство! Голь перекатная!

Отрадина. Значит, хорош собой?

Шелавина. Ну, нельзя сказать; так себе.

Отрадина. Так хорошей фамилии, в больших чинах?

Шелавина *(смеется)*. Да, в чинах. Ваше высоко-ничего, вот и весь его чин.

Отрадина. Так на что ж ты польстилась? Для чего идешь за него замуж?

Шелавина. Вот я тебе объясню для чего. Я теперь стала богата, а жить-то по-богатому не умею. То есть умею только деньги по магазинам развозить, на это у меня ума хватает; а как вести счета да расчеты, да управлять имением, я аза в глаза не знаю. Достались мне акции да билеты; вот я поверчу, поверчу их перед глазами да опять положу; а сколько тут денег, ни в жизнь мне не счесть. Считать-то я училась по пальцам, а тут пальцев-то и не хватает. А с именьями-то да заводами что я стану делать? Положиться на управляющих да на приказчиков, так они сейчас мою премудрость постигнут и будут обирать как им угодно. А теперь я в барышах: управляющий даром, да он же и муж, человек молодой, ловкий, — чего ж мне еще! Да к тому же он еще клятву дал из повиновения не выходить.

Отрадина. Однако у тебя будет муж хороший, почтительный.

Шелавина. Ну, какой бы ни был, а уж у нас дело слажено. После свадьбы мы сейчас поедem в Петербург; он перейдет туда на службу; я еще молода, недурна собой; посмотри, каких мы делов наделаем.

Отрадина. Твой жених чиновник?

Шелавина. Да, чиновник.

Отрадина. А где служит?

Шелавина. Не знаю, право. Так болтается где-то, у начальника на посылках, должно быть. Да вот, не хочешь ли, я тебе покажу его? Со мной карточка.

Отрадина. Покажи, покажи!

Шелавина. Кажется, я ее в карман сунула. (*Шарит в кармане.*) Да вот она. Измялась немножко. (*Подает карточку Отрадиной.*) Вот гляди!

Отрадина (*взглянув на карточку*). Ах! Ах!

Шелавина. Что с тобой?

Отрадина. Ничего, я оперлась рукой на стол и накололась на булавки.

Шелавина. Ах, бедная! Больно тебе?

Отрадина. На, возьми. (*Отдает карточку.*)

Шелавина. Ну что, каков?

Отрадина. Не знаю, что сказать тебе. Наружность у людей так обманчива. *(Опускается на стул.)*

Шелавина. Да, это правда. Но если он обманет меня, так ему же хуже. Со мной шутки плохи. Я ведь не поцеремонюсь, я его, милого дружка Григория Львовича, и за дверь вытолкаю. Однако мне пора. Я бы и посидела у тебя, да пропасть хлопот в городе. Приезжай на свадьбу, сделай милость!

Отрадина. Нет, нет, благодарю тебя.

Шелавина. Милая моя, ты нездорова. Поди ложись, я тебе пришлю доктора. Если тебе что нужно, ты только скажи мне, пришли ко мне; я для тебя все готова... Ну, прощай, милая, голубка! *(Целует Отрадину и уходит.)*

Отрадина провожает ее до дверей; потом, едва держась на ногах, подходит к столу, опирается на него правой рукой и с напряжением смотрит на дверь спальни. В двери показывается Муров.

Отрадина *(указывая среднюю дверь)*. Уходите!

Муров. Любушка, выслушай!

Отрадина. Уходите!

Муров *(подавая деньги)*. Твои деньги...

Отрадина *(берет деньги и кладет на стол)*. Уходите, говорю я вам.

Входит Галчиха.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Отрадина, Муров, Галчиха, потом Аннушка.

Отрадина. Что ты, Архиповна?

Галчиха. К вам, матушка.

Отрадина. Как же ты ребенка бросила? Зачем ты в городе?

Галчиха. Да, матушка *(утирает фартуком слезы)*, ребеночек-то...

Отрадина. Что, что?

Галчиха. Помирает, матушка.

Отрадина. Как? Что? Аннушка, Аннушка!

Аннушка показывается в двери справа.

Платок, платок! да беги за извозчиком!

Галчиха. Да я на извозчике.

Аннушка уходит.

Отрадина. Что же, что же? Говори, ради бога! Он вчера здоров был.

Галчиха. Вдруг, матушка... Захрипит, захрипит да весь почернеет.

Отрадина. Доктора, скорей доктора!

Галчиха. Доктор у нас, матушка. Тут земский приехал к нам в слободу, так я его позвала. Он меня и послал.

Отрадина. Что ж он говорит?

Входит Аннушка с платком.

Галчиха. Дурно, говорит, самая болезнь опасная. *(Утирает слезы.)* Часу, говорит, не проживет.

Отрадина. Ай, ай! *(Берет платок и покрывается.)* Побежим, побежим! *(Мурову.)* Ну, теперь вы совсем свободны.

Муров. Я за вами поеду.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Елена Ивановна Кручинина, известная провинциальная актриса.

Нил Стратоныч Дудукин, богатый барин.

Нина Павловна Коринкина, актриса.

артисты провинциального театра:

Григорий Незнамов.

Шмага.

Арина Архиповна.

Галчиха.

Иван, слуга в гостинице.

Комната в гостинице, прилично меблированная, с камином; в глубине дверь в коридор, справа от актеров дверь в другую комнату.

Между первым и вторым действиями проходит семнадцать лет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Иван стирает пыль с мебели. Дудукин отворяет дверь.

Дудукин *(в дверях)*. Можно войти?

Иван. Пожалуйте, сударь, Нил Стратоныч!

Дудукин *(входя с кульком в руках)*. Что, Елена Ивановна встала?

Иван. Уж и кофею накушались.

Дудукин. Спроси, примет ли она меня!

Иван. Да они уехамши-с.

Дудукин. Эка досада! А я ей чаю привез, только получили с ярмарки; и икры зернистой стерляжьей: она любит очень.

Иван. Понимаю-с. Пожалуйте, я девушке отдам. Вы, сударь, Нил Стратоныч, подождите их; они скоро будут. *(Берет кулек, уходит в дверь направо и сейчас же возвращается.)*

Дудукин. А куда она поехала?

Иван. К губернатору-с.

Дудукин. Зачем?

Иван. Не могу знать-с. Надо полагать, насчет бенефисту-с, так как актеры и актрисы, которые ежели... так уж первым долгом завсегда-с...

Дудукин. Что ты врешь! Какой бенефис! О бенефисе еще и разговору нет. Про бенефисы я всегда прежде всех знаю. С кем поехала? Со Степкой?

Иван. Со Степкой-с.

Дудукин. На пристяжке караковая?

Иван. Караковая-с.

Дудукин. То-то же. А то у него саврасенькая есть, так та пуглива и задом бьет, того гляди через постромку ногу перекинет. С мужчиной едет — ну, ничего, а женщина сосуд скудельный. Нервы у них.

Иван. Как можно, помилуйте! Сохрани бог!

Дудукин. А зелень у вас к столу есть какая-нибудь?

Иван. Какая уж зелень у нас! Один салат, да и тот больше как вроде кожи. Нешто у нас заведение настоящее? Тоже разве мало слышим брани-то от приезжающих! А мы при чем тут, коли хозяин без понятия.

Дудукин. Ну, так я вам пришлю и салату, и цветной капусты. Подавайте только одной Елене Ивановне; на всех гостей я вам не поставщик. Так повару и скажи!

Иван. Слушаю. Да что вам, сударь, беспокоиться! Ведь уж если наш хозяин не знает, что для хороших господ требуется, так никому вреда, кроме как себе.

Дудукин. Да ведь это свинство, любезный друг.

Иван. Уж это как есть, в полной форме.

Дудукин. Актриса знаменитая!

Иван. Да-с, которые господа видели, так ужасно как ихнюю игру одобряют, даже вне себя приходят.

Дудукин. Мне до вашего хозяина дела нет; да за наш город-то стыдно: мы здешние обыватели. Где-нибудь, в другом губернском городе, будет Елена Ивановна говорить, что и поместить-то, и накормить-то не умели; приятно это нам будет!

Входит Коринкина. Иван уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дудукин и Коринкина.

Коринкина. А! Вы здесь! Ну, да, конечно, где же вам и быть!

Дудукин. Ах, красавица моя!

Коринкина. Что такое за красавица! Что за фамилярность! У меня есть имя и отчество!

Дудукин. Позвольте вам доложить, Нина Павловна, что вы напрасно гневаться изволите. Я даже обязан быть здесь.

Коринкина. Скажите, пожалуйста! Обязан! Зачем это, позвольте вас спросить?

Дудукин. Приехала известная артистка: она в первый раз в нашем городе, никого здесь не знает; я, как представитель здешней интеллигенции...

Коринкина. Ах, оставьте глупости! Какая интеллигенция! Просто появилась новая юбка в городе, вот вы и растаяли. (Со смехом.) Обязанности! Отличные у вас обязанности!

Дудукин. Ревнуете, бесценная моя?

Коринкина. Ревновать вас? Не смешите, пожалуйста! Мне просто стыдно за вас: как увидите женщину, так и губы распустите. О, противность какая!

Дудукин. Вы только за этим и приехали сюда, мое блаженство?

Коринкина. Опять вы «мое блаженство»! (Топает ногой.) Ну, слушайте. У меня сейчас собираются некоторые артисты; мы хотим серьезно поговорить об одном деле, и вы должны тут присутствовать. Я вас везде искала, по всему городу ездила.

Дудукин. Что же это за конгресс у вас собирается и об чем дебаты будут?

Коринкина. Вы слышали, что вчера наделал Незнамов?

Дудукин. Не только слышал, но почти был свидетелем этого назидательного спектакля; немного опоздал, о чем весьма сожалею.

Коринкина. Он в буфете, во время спектакля, избил Мухобоева.

Дудукин. И прекрасно сделал.

Коринкина. Да ведь Мухобоев почтенный человек, он градским головою хотел быть.

Дудукин. Как ему не хотеть! Да общество-то захочет ли?

Коринкина. Да ведь это два бельэтажа и несколько кресел в каждый бенефис. Он теперь и в театр не заглянет. Вот мы и собираемся писать письмо Мухобоеву, что Незнамова мы нашим товарищем не признаем и будем требовать от антрепренера его увольнения. Да и я не хочу, чтобы Незнамов вместе со мной служил.

Дудукин. Да вы-то что так уж очень гневаетесь на него, мое очарование?

Коринкина. Ах, он невыносим, невозможен! У него острый и злой язык и самый дурной характер; как только артисты сойдутся вместе, особенно если ему попадет лишняя рюмка, так и пошел, и пошел... и уж непременно придерется к кому-нибудь. А какие он вещи говорит женщинам! Невыносимо, невыносимо! Так бы вот и убила его.

Дудукин. Обижает вас, сочиняет про вас небылицу, выдумывает? За это действительно убить следует.

Коринкина. Да положим, что и не выдумывает; пожалуй, все это правда, что он говорит; да зачем? Кто его просит? Он моложе всех в труппе, ему ли учить! Мы собираемся, чтоб провести время весело, а совсем не затем, чтоб слушать его проповеди. Коли что знаешь, так и знай про себя. Он только отравляет наше общество. Как я рада буду, если мы от него отделаемся. Такой молодой, еще совсем мальчик, и такой раздражительный!

Дудукин. Раздражали его, так он стал раздражительный. А ему-то самому жизнь сладка ли, спросите?

Коринкина. Пожалуйста, не заступайтесь. Вы здесь останетесь, конечно? Вот вам полчаса сроку для разговоров с Кручининой, впрочем, и четверти часа довольно. Потом заедете за моими ботинками в магазин и в кондитерскую за конфетками, и в двенадцать часов чтоб у меня, ни раньше,

ни позже! Слышите, в двенадцать часов! Если вы опоздаете хоть пять минут, то дверь будет заперта для вас.

Дудукин. И надолго?

Коринкина. Навсегда. Я с вами затолковалась, а меня Миловзоров на дрожках дожидается.

Дудукин. Без провожатых не можете?

Коринкина. Уж не ревность ли? Вот еще новости! Ведь он у нас первый любовник в театре; мы с ним каждый день в любви объясняемся; пора бы вам привыкнуть.

Дудукин. Так уж пускай бы он вашим любовником только на сцене и оставался. Вы в провожатые лучше комиков берите, с ними веселее.

Коринкина. Это вам веселье-то нужно, вы только пу-
стяками и занимаетесь, а я женщина серьезная. Так сказано вам, что в двенадцать часов, чтоб так и было. До свиданья.

Дудукин. Ну, что уж, на крыльях прилечу!

Коринкина уходит. Входит Иван.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дудукин, Иван, потом Кручинина.

Иван. Елена Ивановна приехали.

Дудукин. Вот и прекрасно.

Входит Кручинина.

Кручинина. Нил Стратоныч, очень рада вас видеть. Извините, я вас на минуточку оставлю, шляпку сниму.

Иван. Тут артисты вас два раза спрашивали.

Кручинина. Какие?

Иван. Не так чтобы очень, не из первых сортов.

Кручинина. Где ж они?

Иван. Здесь, на бильярде играют.

Кручинина. Ну, пускай играют, пригласи их после.
(Уходит в дверь направо.)

Дудукин. Как же тебе, братец, не стыдно: ты артистов не знаешь.

Иван. Как их? О, чтоб... И помнил, да забыл. Один-то даже в чужом пальте, не по росту ему, с большого человека надето.

Дудукин. Шмага?

Иван. Он, он самый.

Входит Кручинина. Иван уходит.

Кручинина. Как вам не стыдно, Нил Стратоныч! Вы опять с приношениями, вы меня уж очень балуете. Мне, право, совестно; каждый день что-нибудь; вот сегодня чаю, икры привезли.

Дудукин. Да ведь надо же вам чем-нибудь питаться; гостиницы у нас в плохом состоянии. А что такое эти безделки: чай, да икра, да и все наши букеты и лавры. Об них и говорить-то не стоит. Все это очень малая плата за то счастье, за те наслаждения, которые вы нам доставляете своим талантом.

Кручинина. Все говорят, что вы очень добрый человек.

Дудукин. Это во мне есть, только ведь это качество наследственное, от родителей, а моей заслуги тут никакой нет-с. Да ведь это дарование не очень важное! Если б и доброты-то во мне не было, так куда ж бы я годился!

Кручинина. Нет, хорошее качество, хорошее.

Дудукин. Дешевенькое-с, мне оно никакого труда не стоит.

Кручинина. Тем-то оно и дорого.

Дудукин. Уж это вам как угодно, спорить не смею. Я человек ограниченный, ни к каким занятиям, даже и хозяйственным, неспособный: так чтобы уж не быть совсем без дела, я себе и избрал специальность — услаждать жизнь артистов.

Кручинина. И артисток?

Дудукин. И артисток. Заедет труппа, например, хоть в наш город, увеселять людей, ровно ничего не делающих, ничем не интересующихся и ничего не желающих, и сядут, как раки на мели. Обыватели у нас большею частью люди солидные, тяжеловесные, богатые, благотворительные, степенные и даже первостепенные.

Кручинина. Чего же еще!

Дудукин. Но относительно нравов и умственного развития находятся еще в самом первобытном невежестве и о существовании драматического искусства имеют представления самые смутные. А ведь артисты народ необеспеченный, по-европейски сказать, пролетарии, а по-нашему, по-русски, птицы небесные: где посыпано крупки, там клюют, а где нет — голодают. Как же к ним не иметь сожаления?

Кручинина. Ну, к артистам-то влечет вас, я думаю, не одно сожаление?

Дудукин. Да-с, да-с. Совершенно справедливо. Ничего такого возвышенного во мне нет, а грехов много. Обыкновенный старичок, дюжинный, много нас таких-то. У губернатора изволили быть?

Кручинина. Да, благодарить его ездила. Вчера во время спектакля в театральном буфете вышел скандал, в котором обвиняют артиста Незнамова. Антрепренер прибежал ко мне в уборную встревоженный и объявил, что Незнамову грозит беда, что он держится в труппе только вследствие снисходительности губернатора, который уж и прежде обещал выслать его из города, если он будет производить скандалы, так как это случалось с ним не раз, да и паспорт у него не в исправности. После спектакля губернатор пришел на сцену: тут я его и просила за Незнамова; он сказал, что Незнамова следовало бы проучить, но что для меня он готов оставить это дело без внимания, если оно кончится миром. Оно, кажется, уж и кончилось. Скажите, что это за история и что такое этот Незнамов? Он, кажется, еще очень молодой человек?

Дудукин. Я изложу вам краткую биографию его, как он мне сам передавал. Ни отца, ни матери он не помнит и не знает, рос и воспитывался он где-то далеко, чуть не на границах Сибири, в доме каких-то бездетных, но достаточных супругов из мира чиновников, которых долгое время считал за родителей. Его любили, с ним обращались хорошо, хотя не без того чтобы под сердитую руку не прекратить его незаконным происхождением. Разумеется, он их слов не понимал и разобрал их значение только впослед-

ствии. Его даже учили: он бегал в какой-то дешевенький пансион и получил порядочное для провинциального артиста образование. Так он прожил лет до пятнадцати, потом начались страдания, о которых он без ужаса вспомнить не может. Чиновник умер, а вдова его вышла замуж за отставного землемера, пошло бесконечное пьянство, ссоры и драки, в которых прежде всего доставалось ему. Его прогнали в кухню и кормили вместе с прислугой; часто по ночам его выталкивали из дому, и ему приходилось ночевать под открытым небом. А иногда от брани и побоев он и сам уходил и пропадал по неделе, проживал кой-где с поденщиками, нищими и всякими бродягами, и с этого времени, кроме позорной брани, он уж никаких других слов не слышал от людей. В такой жизни он озлобился и одичал до того, что стал кусаться как зверь. Наконец, в одно прекрасное утро его из дому совсем выгнали; тогда он пристал к какой-то бродячей трупке и переехал с ней в другой город. Оттуда его, за неимение законного вида, отправили по этапу на место жительства. Документы его оказались затерянными; волочили, волочили его, наконец выдали какую-то копию с явочного прошения, с которой он и стал переезжать с антрепренерами из города в город, под вечным страхом, что каждую минуту полиция может препроводить его на родину.

Кручинина. Его зовут Григорий...

Дудукин. Да, Григорий.

Кручинина. А много ли ему лет?

Дудукин. Года двадцать три.

Кручинина. Не меньше?

Дудукин. Никак не меньше. Почему вас это интересует?

Кручинина. Так, некоторое совпадение... Да вы не обращайте внимания; это фантазия. Извините, что вас перебиваю.

Дудукин. Что касается вчерашней истории, так это дело обыкновенное; такие истории у нас часто случаются. Вчера один из наших почтенных обывателей, Мухобоев, так увлекся вашей игрой, что запил с первого акта. Стал шуметь в буфете, приставать ко всем, потчевать всех, целовать. Тут

случился и Незнамов, он и к нему стал приставать. Незнамов, чтоб отвязаться, хотел уйти из буфета: тогда Мухобоев стал ругаться и оскорбил Незнамова самым чувствительным образом.

Кручинина. За что же?

Дудукин. За то, что тот пить отказался. Я, говорит, ему честь делаю, хочу с ним выпить, а он, какой-то подзаборник, еще смеет отказываться.

Кручинина. Что такое «подзаборник»?

Дудукин. Ребенок, брошенный, подкинутый к чужому крыльцу или забору.

Кручинина. Как это глупо! Неужели еще находятся такие люди, которые позволяют себе подобные выходки?

Дудукин. К несчастью, много их находится. Вслед за этой обидой началось должное возмездие: из почтенного Мухобоева Незнамов сделал что-то вроде отбивной котлетки. Сначала Мухобоев рассвирепел, хотел жаловаться, хотел сослать Незнамова в Сибирь, но добрые люди его скоро уговорили, и все кончилось примирением и общей выпивкой. Между тем на шум явилась полиция, и дело могло кончиться очень дурно для Незнамова, если б не ваше заступничество. А как вы вчера играли! Немудрено, что люди запивают от восторга. Как вы верно передали чувство матери!

Кручинина. На то я актриса, Нил Стратоныч!

Дудукин. Но чтоб верно представить положение, надо прочувствовать, пережить если не то самое, так хоть что-нибудь подобное.

Кручинина. Ах, Нил Стратоныч, я столько пережила и перечувствовала, что для меня едва ли какое-нибудь драматическое положение будет новостью.

Дудукин. Значит, лавры-то не дешево достаются?

Кручинина. Лавры-то потом, а сначала горе да слезы.

Дудукин. Но чувство матери, эта страстная любовь к сыну, это отчаяние...

Кручинина. И я была матерью, и я так же видела умирающего сына, как леди Микельсфильд, которую я вчера играла. Только мой сын умер еще ребенком. *(Утирает слезы.)*

Дудукин. Ну, вот я вас и плакать заставил; извините, пожалуйста.

Кручинина. Ничего, иногда и поплакать хорошо; я теперь не часто плачу. Я еще вам благодарна, что вы вызвали во мне воспоминания о прошлом; в них много горького, но и в самой этой горечи есть приятное для меня. Я не бегу от воспоминаний, я их нарочно возбуждаю в себе; а что поплачу, это не беда: женщины любят поплакать. Я вчера объезжала ваш город: он мало изменился; я много нашла знакомых зданий и даже деревьев и многое припомнила из своей прежней жизни и хорошего и дурного.

Дудукин. Так вы у нас не в первый раз?

Кручинина. Нет, я и родилась здесь, и провела почти всю молодость. Я сначала хотела мимо проехать — меня ждут в Саратове и в Ростове; но ваш антрепренер узнал о моем проезде и упросил меня сыграть несколько спектаклей, чтобы поднять сборы, которые у него плохи, и я не жалею, что здесь осталась.

Дудукин. Вы давно ли уехали отсюда?

Кручинина. Ровно семнадцать лет.

Дудукин. И вы не встретили никого знакомых или родных и вас никто не узнал?

Кручинина. Родных у меня нет; жила я скромно, почти не имела знакомства, так и узнать меня некому. Вчера я проезжала мимо того дома, где жила, велела остановиться и подробно осмотрела все: крыльцо, окна, ставни, забор, даже заглядывала в сад. Боже мой! Сколько у меня в это время разных воспоминаний промелькнуло в голове. У меня уж слишком сильно воображение и, кажется, в ущерб рассудку.

Дудукин. Это не порок-с, это у многих женщин есть.

Кручинина. Мне ничего не стоит перенестись за семнадцать лет назад; представить себе, что я сижу в своей квартире, работаю; вдруг мне стало скучно, я беру платок, накрываюсь и бегу навестить сына; играю с ним, разговариваю. Я его так живо представляю себе. Это, должно быть, от того, что я не видала его мертвым, не видала в гробу, в могиле.

Дудукин. Как же это случилось? Извините, что я вызываю вас на откровенность.

Кручинина. Я не боюсь быть откровенной с вами; вы такой добрый. Это случилось вот как: мне сказали, что мой сын захворал, в то самое время, когда я узнала, что отец его мне изменяет и потихоньку от меня женится на другой. Я и без того была потрясена, разбита, уничтожена, а тут еще болезнь ребенка. Я бросилась к нему и увидала ребенка уж без признаков жизни: передо мной был посиневший труп; дыхания уже не было, а только слышалось едва уловимое хрипение в горле. Я кинулась его обнимать, целовать и упала без чувств. Так в обмороке меня и доставили домой, а к вечеру у меня открылся сильный дифтерит. Я прохворала месяца полтора и едва еще держалась на ногах, когда моя бабушка, единственная моя родственница, и то дальняя, увезла меня к себе в деревню. Там мне подали, наконец, письмо, в котором меня извещали, что сын мой умер и похоронен отцом, что малютка теперь на небесах и молится за родителей. Письмо это было писано давно, но его от меня скрывали. Потом мы с бабушкой поехали в Крым, где у нее было маленькое имение, и прожили там три года в совершенном уединении.

Дудукин. А дальнейшая ваша жизнь?

Кручинина. Она представляет мало интереса. Я с бабушкой много странствовала, жила и за границей, и довольно долго; потом бабушка умерла и оставила мне значительную часть наследства. Я стала довольно богата и совершенно независима, но от тоски не знала, куда деться. Подумала, подумала и пошла в актрисы. Играла я больше на юге и в этой стороне не была ни разу. Вот теперь заехала сюда случайно и вспомнила живо и свою юность, и своего сына, о котором и плачу, как вы видите; я ведь странная женщина: чувство совершенно владеет мною, захватывает меня всю, и я часто дохожу до галлюцинаций.

Дудукин. Лечиться надобно, Елена Ивановна; нынче против воображения есть довольно верные средства: с большим успехом действуют.

Кручинина. Да я не хочу лечиться; мне приятна моя болезнь. Мне приятно вызывать образ моего сына, приятно разговаривать с ним, приятно думать, что он жив. Я иногда

с каким-то испугом, с какой-то дрожью жду, что вот-вот он войдет ко мне.

Дудукин. Да если б он и вошел, так ведь вы бы его не узнали.

Кручинина. Нет, мне кажется, узнаю, сердце скажет.

Дудукин. Да вы его воображаете ребенком, а ему теперь, если б он был жив, было бы двадцать лет. Ну представьте, что мечты ваши сбылись, что вы увидите вашего сына... Вот вам сказали, что сейчас он войдет сюда...

Кручинина. Ах, ах! *(Закрывает лицо руками.)*

Дудукин. Вы представляете себе улыбающееся, ангельское личико с беленькими шелковыми кудрями.

Кручинина. Да, да, с шелковыми кудрями.

Дудукин. И вдруг вваливается растрепанный шалопай, вроде Незнамова, небритый, с букетом грошевых папирос и коньяку.

Кручинина. Ах, нет! Ах, довольно, оставьте! Этим не шутят.

Дудукин. Да я и не шучу; я вам докладываю сущую правду. Не хорошо, Елена Ивановна, думать и сокрушаться о том, что было семнадцать лет тому назад; нездорово. Вы много дома сидите, вам нужно развлечение, нужно повеселее жизнь вести. *(Взглянув на часы.)* Ай, ай, как я заговорился с вами. *(Встает, взглянув на камин.)* Однако у вас посетителей-то довольно было!

Кручинина. Это только карточки, Иван их на камин складывает, а я почти никого не принимаю.

Дудукин *(взяв одну карточку)*. Григорий Львович Муров.

Кручинина. Как! Что вы прочли?

Дудукин. Муров, Григорий Львович. Если вы его прежде знали, так теперь не узнаете. Важным барином стал, разбогател страшно и один из главных воротил в губернии. До свидания, совершеннейшая из женщин. *(Целует руку у Кручининной.)* Я вас так и буду называть совершенством.

Кручинина. До свидания, Нил Стратоныч!

Дудукин уходит.

Иван!

Входит Иван.

Дома ли я, нет ли, господина Мурова никогда не принимай! Слышишь?

Иван. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Кручинина. Муров разбогател, стал большим баринном, важным лицом в губернии; а как жалок, сконфужен, как ничтожен он был, когда мы виделись в последний раз, когда я выгнала его из моей квартиры. Все это так живо мне представляется, как будто происходило вчера. Накануне этого рокового дня я навещала Гришу. (*Закрывает рукой глаза.*) Архиповна стояла с ним у окна, закрыв его до половины своим шейным платком. Когда я подошла, он забарабанил пальчиками по стеклу и спрятался под платок; потом выглянул и расхохотался. Прыгает так, что Архиповна едва удержать его может, ручонками машет, щечки разгорелись. Ну вот, вот он; я как сейчас его вижу!

Входят Незнамов и Шмага, доедая кусок бутерброда.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кручинина, Незнамов и Шмага.

Кручинина (*с испугом отступает*). Ах!

Незнамов. Ничего, чего вы боитесь?

Кручинина. Извините.

Незнамов. Не бойтесь! Я ваш собрат по искусству, или, лучше сказать, по ремеслу. Как вы думаете: по искусству или по ремеслу?

Кручинина. Как вам угодно. Это зависит от взгляда.

Незнамов. Вам, может быть, угодно считать свою игру искусством, мы вам того запретить не можем. Я откровеннее, я считаю свою профессию ремеслом, и ремеслом довольно низкого сорта.

Кручинина. Вы вошли так неожиданно.

Незнамов. Да уж мы в другой раз сегодня...

Кручинина. Ах, да, мне сказывали.

Незнамов. Значит, не совсем неожиданно. Я говорю: мы — потому что я с другом. Вот рекомендую! Артист Шмага! Комик в жизни и злодей на сцене. Вы не подумайте, что он играет злодеев; нет, это не его амплуа. Он играет всякие роли и даже благородных отцов; но он все-таки злодей для всякой пьесы, в которой он играет. Кланяйся, Шмага!

Шмага кланяется.

Кручинина. Что вам угодно, господа?

Незнамов. Нам угодно поговорить с вами. Но, разумеется, вы можете сейчас же нас выгнать вон, вы на это имеете полное право. Не стесняйтесь с нами.

Кручинина. Нет, зачем же! Милости прошу! Садитесь, господа!

Незнамов. Сядем, Шмага! Не всегда нас так учтиво принимают.

Садятся. Шмага разваливается в кресле очень свободно.

Дело, собственно, касается меня; но я предоставляю говорить Шмаге, потому что он красноречивее.

Шмага. Мы слышали от нашего патрона, что вы говорили на сцене с губернатором.

Кручинина. Да, я говорила.

Шмага. Вы просили за Гришку Незнамова?

Кручинина. Да, и губернатор обещал, что на этот раз он не примет никаких мер, неприятных для господина Незнамова.

Шмага. Но позвольте, позвольте! Какое же вы имели право просить за Гришку? Он вас не приглашал в адвокаты.

Кручинина. Я не понимаю, господа, что вам угодно от меня. Мне сказали, что господину Незнамову грозит большая неприятность...

Незнамов. Ну, так что ж? Вам-то что за дело?

Кручинина. Но если я имею возможность без особенного труда избавить кого бы то ни было от неприятности, так я должна это сделать непременно. Я считаю это не правом, а обязанностью, даже долгом.

Незнамов (с улыбкой). Счастливить людей, благодетельствовать?

Шагага (смеется). И притом без большого труда. Нет, уж вы счастливьте кого угодно, только (грозя пальцем) не артистов. (Разваливается еще более.) Артист... горд!

Кручинина (вставая). Ну, что ж делать! Извините! Я поступаю так, как мне велит моя совесть, как мне указывает сердце; других побуждений у меня нет. Оправдывать себя я не считаю нужным: можете думать обо мне, что вам угодно.

Незнамов. Я вам предлагал прогнать нас; это было бы для вас покойнее.

Кручинина. Нет, зачем же гнать! Я и теперь вас не прогоню. И обид, и оскорблений, и всякого горя я видела в жизни довольно: мне не привыкать стать. Мне теперь больно и в то же время интересно; я должна узнать нравы и образ мыслей людей, с которыми меня свела судьба. Говорите, говорите все, что вы чувствуете!

Незнамов. Да-с, я говорить буду. Вот уж вы и жалуетесь, уж вам и больно. Но ведь вы знали и другие ощущения; вам бывало и сладко, и приятно; отчего ж, для разнообразия, не испытать и боль! А представьте себе человека, который со дня рождения не знал другого ощущения, кроме боли, которому всегда и везде больно. У меня душа так наболела, что мне больно от всякого взгляда, от всякого слова; мне больно, когда обо мне говорят, дурно ли, хорошо ли, это все равно; а еще больнее, когда меня жалеют, когда мне благодетельствуют. Это мне нож острый! Одного только я прошу у людей: чтоб меня оставили в покое, чтоб забыли о моем существовании!

Кручинина. Я не знала этого.

Незнамов. Ну, так знайте же и не расточайте ваших благодеяний так щедро, будьте осторожнее! Вы хотели избавить меня от путешествия по этапу? Для чего вам это? Вы думаете, что оказали мне услугу? Нисколько. Мне эта прогулка знакома; меня этим не удивишь! Я уж ходил по этапу чуть не ребенком, и без всякой вины с моей стороны.

Шмага. За бесписьменность, виду не было. Ярлычок-то забыл захватить, как его по имени звать, по отчеству величать, как по чину место дать во пиру, во беседе.

Незнамов. Вот видите! И он глумится надо мной! И он вправе; я ничто, я меньше всякой величины; а он что-нибудь, он какая-то единица, у него есть звание, есть вид. На этом виде значится: «Сын отставного канцеляриста; исключен из уездного училища за дурное поведение; продолжал службу в сиротском суде копиистом и уволен за нерадение; под судом был по прикосновенности по делу о пропаже камлотовой шинели и оставлен в подозрении». Ну, разве не восторг иметь такой документ! У него вид чистый, он счастливец, он всякому может прямо смотреть в глаза, всякому может сказать, кто он и что он. Какая мне радость, что я по вашей милости останусь здесь, в этом городишке? Из театра меня гонят и выгонят; что же я за фигуру буду представлять из себя? Бродяга, не помнящий родства, и человек без определенных занятий! Но в таком звании нигде нельзя жить, ни в каком городе; или уж везде, но только на казенной квартире, то есть в местах заключения. Я не вор и наклонности к этому занятию не чувствую. Я не разбойник, не убийца, во мне кровожадных инстинктов нет; но все-таки я чувствую, что по какой-то покатости, без участия моей воли, я неудержимо влекусь к острогу. Таких людей лучше не трогать: благодеяния озлобляют их еще больше.

Кручинина. Ах, да отчего же, отчего же?

Незнамов. Да вот, например: мне совсем не до вас; существуете вы на свете или нет вас — мне решительно все равно; мы друг другу чужие, ну и шли бы каждый своей дорогой. А вы навязываетесь с благодеяниями и напрашиваетесь на благодарность. Ну, положим, благодарить вас я не стану; так ведь все равно мне товарищи покоя не дадут. При всяком удобном случае каждый напомнит мне о вашем благодеянии. «Благодари Кручинину, что ты с нами! Кабы не Кручинина, странствовать бы тебе!» И так надоедят мне, что я принужден буду вас возненавидеть. А я этого не желал, я желал оставаться к вам равнодушным. Я понимаю, что благодетельствовать очень заманчиво, особенно если

вас все осыпают любезностями и ни в чем вам не отказывают, но не всегда можно рассчитывать на благодарность, иногда можно наткнуться и на неприятность.

Кручинина. И довольно часто. Я это знаю.

Незнамов. И все не понимаетесь?

Кручинина. И не уймусь никогда, потому что чувствую потребность делать добро.

Незнамов. Это довольно странно. Поуныться не мешало бы.

Кручинина. Ну, вот что, господа! Я выслушала вас терпеливо; в том, что своей услугой я сделала вам неприятность, я извиняюсь перед вами. Но, господин Незнамов, вы очень дурно воспользовались моей снисходительностью; вы могли говорить только о своем деле, а вы позволили себе обсуждать мои поступки и давать мне советы. Вы еще очень молоды, вы совсем не знаете жизни; вас окружали с детства, да и теперь окружают люди, далеко не лучшие. Делать заключения вообще о людях вы не смеете, потому что хороших людей вы почти не видали и среди них не жили. Вы видели жизнь только...

Шмага. Из подворотни?

Кручинина. Я не то хотела сказать.

Шмага. Отчего же? Нет, так лучше, вернее.

Незнамов. Все равно, не в словах дело.

Кручинина. Я опытнее вас и больше жила на свете; я знаю, что в людях есть много благородства, много любви, самоотвержения, особенно в женщинах.

Незнамов. Будто?

Кручинина. Вы ничего этого не видали?

Незнамов. Не случилось.

Кручинина. Очень жаль.

Незнамов. Где ж такие редкостные экземпляры находятся?

Кручинина. Везде, стоит только поискать; они не редки, их много. Да вот, недалеко ходить, вы знаете, что такое сестры милосердия?

Незнамов. Знаю.

Кручинина. Что побуждает их переносить лишения, невероятные труды, опасности?

Незнамов. Я этого не знаю.

Кручинина. Да и не одни сестры милосердия, есть много женщин, которые поставили целью своей жизни — помогать сиротам, больным, не имеющим возможности трудиться, и вообще таким, которые страдают не по своей вине... Да нет, этого мало... Есть такие любящие души, которые не разбирают, по чужой или по своей вине человек страдает, и которые готовы помогать даже людям...

Незнамов. Вы ищете слова? Не церемоньтесь, договаривайте.

Кручинина. Даже людям безнадежно испорченным. Вы знаете, что такое любовь?

Незнамов. Из романов знаю.

Кручинина. Вас любил кто-нибудь?

Незнамов. Как вам сказать... Настоящим образом нет... Меня нельзя любить.

Кручинина. Почему?

Незнамов. Да за что же любить человека безнадежно испорченного? Что за интерес? Разве с целью исправить? Так, во-первых, не всякого можно исправить; а во-вторых, не всякий позволит, чтоб его исправляли.

Кручинина. Можно и такого любить.

Незнамов. Сомневаюсь.

Кручинина. Разве сестры милосердия, со всей любовью, ухаживают только за теми, кого можно вылечить? Нет, они еще с большей любовью заботятся и о безнадежных, неизлечимых. Теперь вы, вероятно, согласитесь, что бывают женщины, которые делают добро без всяких расчетов, а только из чистых побуждений. Отвечайте мне. Бывают?

Незнамов (*потупясь*). Да, бывают.

Кручинина. С меня и довольно. Вы раздражены, расстроены; подите успокойтесь и подумайте о том, что вы сейчас сказали!

Незнамов. Ну, Шмага, пойдем! Мы свое дело сделали — пришли и наругали хорошей женщине. Чего ж еще ждать от нас!

Шмага. Грубить — это твое дело, а я человек деликатный. Что такое был наш разговор? Это только прелюдия, серьезное

будет впереди. Я имею другую тему, у меня теперь пойдет мотив в минорном тоне. Но без свидетелей мне будет удобнее.

Незнамов. Нет, нет, говори при мне, а то я тебя знаю.

Шмага. Мадам, мы пришли в гостиницу, чтоб объясниться с вами по делу, вам известному, но вы были заняты. Ну, знаете ли, увлечение молодости, буфет, бильярд... соблазн... и при всем том недостаток средств. Вам, конечно, известно, что такое бедный артист. Одним словом, мы задолжали в буфете.

Незнамов (*строго*). Что, что?

Кручинина. Не беспокойтесь, я велю сейчас заплатить. (*Незнамову.*) Пожалуйста, не претендуйте, доставьте мне это удовольствие.

Шмага. Да-с... мерси! Впрочем, иначе и быть не может; вам и следует заплатить. Мы не виноваты, что вы не могли нас принять. Не в передней же нам ждать. Мы артисты, наше место в буфете.

Незнамов. Ну, поговорил, и будет. Пойдем, марш!

Шмага. Ах, Гришка, оставь! Оставь, говорю я тебе! (*Кручининой.*) Но я вам должен сказать, мадам, что и дальнейшее наше существование не обеспечено. Вы — знаменитость, вы получаете за спектакль чуть не половину сбора; а еще неизвестно, от кого зависит успех пьесы — и кто делает сборы, вы или мы. Так не мешало бы вам поделиться с товарищами.

Незнамов молча берет Шмагу сзади за воротник и ведет его к двери.

Шмага (*на ходу оборачиваясь то в ту, то в другую сторону*). Гриша, Гриша!

Незнамов (*проводив Шмагу до двери*). Уходи!

Шмага быстро скрывается.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кручинина и Незнамов.

Кручинина. Вам стыдно за вашего товарища?

Незнамов. Нет, за себя.

Кручинина. Зачем же вы дружитесь с таким человеком?

Незнамов. А где ж я, в моем звании, других-то возьму? Его, конечно, нельзя считать образцом нравственности; он не задумается за грош продать лучшего своего друга и благодетеля, но ведь, сколько мне известно, очень многие артисты не лишены этой слабости. Зато он имеет и неоцененные достоинства; он не зябнет в легком пальто в трескучие морозы, он не жалуется на голод, когда ему есть нечего, он не сердится, когда его ругают и даже бьют. То есть он, может быть, в душе и сердится, но ничем своего гнева не обнаруживает.

Кручинина. Он и зимой в летнем пальто ходит?

Незнамов. Вот как вы его видели, весь его гардероб тут.

Кручинина (*достает из портмоне десятирублевую бумажку*). Передайте ему, пожалуйста, от меня.

Незнамов. Что вы, что вы! Не надо. Он их пропьет сейчас же.

Кручинина. Ну, да уж как он хочет.

Незнамов. Это даром брошенные деньги.

Кручинина. Да ведь ему приятно будет получить их?

Незнамов. Еще бы! Конечно, приятно.

Кручинина. Ну, вот я представляю, как ему будет приятно, и мне самой делается приятно. Я люблю дарить. Да, вот что я вас попрошу. Не можете ли вы купить ему пальто готовое, получше? Деньги, сколько нужно, я заплачу. Вы потрудитесь?

Незнамов. Да тут и труда нет никакого. (*Кланяется.*)

Кручинина. До свиданья.

Незнамов (*помолчав*). Позвольте мне у вас руку поцеловать!

Кручинина. Ах, извольте, извольте!

Незнамов. То есть вы мне протянете ее, как милостыню. Нет, если вы чувствуете ко мне отвращение, так скажите прямо.

Кручинина. Да нет же, нет; я очень рада.

Незнамов. Ведь, в сущности, я дрянь, да еще подзаборник.

Незнамов берет руку Кручининой.

Кручинина (*отвернувшись, тихо*). Не говорите этого слова; я не могу его слышать.

Незнамов целует ее руку. Она прижимает его голову к груди и крепко целует.

Незнамов. Что вы, что вы! За что?

Кручинина. Извините!

Незнамов. Вы же еще просите извинения! Эх, бог с вами! (*Уходит.*)

Иван в дверях: «Ступай, ступай! Сказано, что не принимают!»

Кручинина. Иван, с кем ты там?

Входит Иван.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кручинина, Иван, потом Галчиха.

Иван. Тут, сударыня, одна полоумная попрошайка все таскается, господам надоедает.

Кручинина. Я дам ей что-нибудь.

Иван. Да ведь она повадится, от нее не отвяжешься. Нет, я ее спроважу лучше. (*Уходит.*)

Кручинина (*заглянув в дверь*). Ах, ах! Кто это? Это она! Веди, веди ее сюда, Иван!

Входят Иван и Галчиха.

Архиповна! Узнаешь ты меня?

Галчиха. Как не узнать, ваше сиятельство; в прошлом году тоже не оставили своей милостью бедную старуху, сироту горькую.

Кручинина. Ты погляди на меня хорошенько, погляди!

Галчиха. Виновата, матушка, запомнотвала. В прошлом году сапожки-то пожаловали... Как же, помню...

Кручинина. Иван, кто это? Как ее зовут? Арина Галчиха?

Иван. Она самая-с.

Кручинина. Ну, ступай!

Иван уходит.

Где похоронили моего Гришу? (*Берет Галчиху за плечи.*)
Моего ребенка, моего ребенка?

Галчиха. Не занимаюсь, матушка, годов пятнадцать не занимаюсь. А было время, брала ребят, брала деньги; жила ничем невредима, а теперь бедствую; без роду, без племени, сирота круглая.

Кручинина. Да ты взглядишь в меня, взглядишь хорошенько!

Галчиха. Матушка, да никак... неужто ж вы... как это... Любовь Ивановна, что ли?

Кручинина. Да, я, я, она самая...

Галчиха. Ну, как же, помню, матушка! Благодетельница!

Кручинина. Поедем же на могилку, поедем!

Галчиха. Куда, матушка, на какую?

Кручинина. Сын был у меня, сын.

Галчиха. Да, да, сын, точно... Как его звали-то? Много у меня ребят-то было, много. Генерала Быстрова помните? Всех детей принимала.

Кручинина. Да не то: все не то ты говоришь.

Галчиха. А то вот еще купцы были богатейшие у Здвиженья; так сама-то без меня ничего. Я ее и пользовала.

Кручинина. Да нет, мой сын, мой сын!

Галчиха. Да я про то же и говорю; и ваш сын... А то еще вдова; за рекой дом, такой большущий и мезонин... и в этом мезонине...

Кручинина. Да не то... Сын мой, Гриша...

Галчиха. Гриша? Да, да, помню...

Кручинина (*сажая Галчиху на стул*). Еще он тогда захворал: захворал вдруг страшной болезнью. Захрипел, ну, помнишь? И умер.

Галчиха. Выздоровел, матушка! Бог дал, выздоровел!

Кручинина. Что ты говоришь, Архиповна! Пожалей ты меня!

Галчиха. Выздоровел, выздоровел!

Кручинина. А потом, что потом?

Галчиха. Потом бедность меня одолела. Как в те поры хорошо жила, всего было довольно; а тут и нет ничего. Хоть бы из одежки что-нибудь пожаловали.

Кручинина. Да вот деньги, вот! Все отдам, только говори! (*Кладет на стол деньги.*) Где Гриша, что вы с ним сделали?

Галчиха. Ах, да... Бог меня наказал, вот за это за самое и наказал.

Кручинина. Да за что «за это»? Ты говоришь, что он выздоровел?

Галчиха. Выздоровел, выздоровел; как же! Скорехонько выздоровел! (*Косится на деньги.*) Хорошо, кого господь-то наградит; а я вот горькая...

Кручинина. Ведь уж я сказала, что эти деньги будут твои, только говори. Прошу тебя, умоляю.

Галчиха. Да что, матушка, говорить-то?

Кручинина. О Грише, о моем Грише!

Галчиха. Беленькой такой мальчик?

Кручинина. Да, беленький. Ты говоришь, что бог тебя наказал за него. За что же?

Галчиха. Вспомнила, матушка, вспомнила.

Кручинина. Боже мой! Вспомнила! Ну, ну! (*Становится перед ней на колени и глядит ей прямо в глаза.*)

Галчиха. Как это он выправляться-то стал, так все маму спрашивал да кликал.

Кручинина (*рыдая*). Ты говоришь: маму?

Галчиха. Да. Ручонки-то вытянет да говорит: «Мама, мама!»

Кручинина. О, боже мой! О, боже мой! Мама, мама! Ну, дальше, дальше!

Галчиха. Думаю, куда его деть?.. Держать у себя — так еще будут ли платить... сумлевалась. Уж запомновала фамилию-то... муж с женой, только детей бог не дал. Вот сама-то и говорит: достань мне сиротку, я его вместо сына любить буду. Я и отдала; много я с нее денег взяла... За воспитанье, говорю, мне за два года не плочено, так заплати! Заплатила. Потом Григорью... как его... да, вспомнила, Григорью Львовичу и сказываю: так и так, мол, отдала. И хорошо, говорит, и без хлопот. Еще мне же зелененькую пожаловал.

Кручинина. А потом, потом?

Галчиха. И все так хорошо, прекрасно.

Кручинина. Так ты видела его, навещала часто?

Галчиха. Как же, видала, видала... Да вот и недавно видела.

Кручинина (*с испугом*). Недавно?

Галчиха. Бегает в саду, тележку катает; рубашечка синенькая.

Кручинина (*отстраняясь*). Что ты, что ты! Да ведь ему теперь двадцать лет.

Галчиха. Каких двадцать? Нет, маленький.

Кручинина. Да, Архиповна! Арина, Арина, что ты говоришь?

Галчиха. Ах, матушка, простите вы меня! Польстилась вот на деньги-то... Вы приказываете говорить; я и говорю, говорю, утешаю вас, а сама не знаю что... совсем затмилась... Затуманилось в голове-то, сама ничего не разберу. Передохнуть бы малость.

Кручинина. Ну, поди отдохни! (*Ведет Галчиху в другую комнату.*)

Галчиха. Коли что знаю, так я вспомню... (*Уходит.*)

Кручинина (*садится у стола*). Какое злодейство, какое злодейство! Я тоскую об сыне, убиваюсь; меня уверяют, что он умер; я обливаюсь слезами, бегу далеко, ищу по свету уголка, где бы забыть свое горе, а он манит меня ручонками и кличет: мама, мама! Какое злодейство! (*Рыдая, опускает голову на стол.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кручинина.

Дудукин.

Муров.

Коринкина.

Незнамов.

Шмага.

Миловзоров Петя, первый любовник.

Женская уборная: обои местами прорваны, местами облупились; в глубине дверь на сцену; стол, перед ним мягкое потертое кресло, остальная мебель сборная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Коринкина в задумчивости полулежит в кресле.

Входит Миловзоров.

Коринкина. Кто там?

Миловзоров. Я, мой друг.

Коринкина. Затвори дверь!

Миловзоров. Зачем?

Коринкина. Шляются тут и подслушивают.

Миловзоров. У вас, мой друг, нервы.

Коринкина. Ну да, нервы; будут тут нервы. Не понимаю. Просто все помешались; в здравом уме таких вещей нельзя делать.

Миловзоров. Вы это про кого?

Коринкина. Про публику, про вчерашний спектакль. Ну, что такого особенного в Кручининной, чтобы так бесноваться? Ну, скажи? Я тебя спрашиваю, что в ней особенного?

Миловзоров. Тонкая французская игра.

Коринкина. Дурак! Убирайся от меня! Зачем вы ходите ко мне в уборную? Чтобы глупости говорить. Так я этого не желаю. Ведь ты меня злишь, злишь нарочно.

М и л о в з о р о в. Разве же я не могу свое мнение иметь?

К о р и н к и н а. Конечно, не можешь, потому что ты ничего не понимаешь. Да это и не по-товарищески. Пусть публика с ума сходит, а вам что! У вас есть своя актриса, которую вы должны поддерживать. Вы ни меня, ни моего расположения ценить не умеете. И ты-то, ты-то! Кажется, должен бы...

М и л о в з о р о в. Ах, мой друг, я очень, очень чувствую ваше расположение.

К о р и н к и н а. Я тебя и манерам-то выучила. Как ты себя держал? Как ты стоял, как ты ходил? Ну, что такое ты был на сцене? Цириульник!

М и л о в з о р о в. Я вам благодарен; но зачем же такие выражения? Это резко, мой друг. *(Хочет поцеловать руку у Коринкиной.)*

К о р и н к и н а. Что за нежности! Поди прочь от меня! *(Встает.)* Ничего нет особенного, ничего. Чувство есть. Что ж такое чувство? Это дело очень обыкновенное; у многих женщин есть чувство. А где ж игра? Я видала французских актрис, ничего нет похожего. И досадней всего, что она притворяется; скромность на себя напускает, держится, как институтка, какой-то отшельницей притворяется... И все ей верят — вот что обидно.

М и л о в з о р о в. Скромности у ней отнять нельзя.

К о р и н к и н а. Опять заступаться? Нет, уж ты про ее скромность рассказывай кому-нибудь другому, а я еехождения очень хорошо знаю.

М и л о в з о р о в. И я знаю.

К о р и н к и н а. Что же ты знаешь?

М и л о в з о р о в. Да, вероятно, то же, что и вы. Мне Нил Стратоныч рассказывал.

К о р и н к и н а. Хорош! С меня взял клятву, что я молчать буду, а сам всем рассказывает. Да и отлично; пусть его болтает, и я молчать не намерена; очень мне нужно чужие секреты беречь!

М и л о в з о р о в. Да ведь уж это давно было; а после того она...

К о р и н к и н а. Что «после того она»? Нет, ты меня выведешь из терпения. Неужели вы все так глупы, что ей верите?

Это смешно даже. Она рассказывает, что долго была за границей с какой-то барыней, и та оставила ей в благодарность за это свое состояние. Ну, какой чурбан этому поверит? С баринном разве, а не с барыней. Вот это похоже на дело. Мы знаем, есть такие дураки, и обируют их. А то с барыней! Оставляют барыни состояние за границей, это сплошь да рядом случается, да только не компаньонкам. А коли у ней деньги, так зачем она в актрисы пошла, зачем рыщет по России, у нас хлеб отбивает? Значит, ей на месте оставаться нельзя, вышла какая-нибудь история, надо ехать в другое: а в другом — другая история, надо — в третье, а в третьем — третья.

М и л о в з о р о в. Она много добра делает, я слышал.

К о р и н к и н а. Для разговору. С деньгами-то можно себя тешить. Она вон и за Незнамова просила. А для чего, спросите у нее? Так, сама не знает. Она-то уедет, а мы тут оставайся с этим сахаром.

М и л о в з о р о в. Жаль, что она едет-то скоро, а то бы он показал ей себя.

К о р и н к и н а. Да это можно и теперь; у меня со вчерашнего дня сидит мысль в голове. Только положиться-то ни на кого из вас нельзя.

М и л о в з о р о в. Ах, зачем же такие слова, мой друг. Я для вас все, что угодно...

К о р и н к и н а. Ну, смотри же! Честное слово?

М и л о в з о р о в. Благородное, самое благородное.

К о р и н к и н а. Слушай, я хочу попросить Нила Стратоныча, чтобы он пригласил Кручинину к себе сегодня вечером; ведь спектакля у нас нет. Пригласим и Незнамова, подпоим его хорошенько; а там только стоит завести его, и пойдет музыка.

М и л о в з о р о в. Да Незнамов, пожалуй, не поедет к Нилу Стратонычу; он дичится общества.

К о р и н к и н а. Ну, уж я умаслю как-нибудь. А ты прежде подготовь его, дай ему тему для разговора. Распиши ему Кручинину-то, что тебе жалеть ее. Ведь уж тут вертеться, мой милый, нельзя; я должна знать наверное: друг ты мне или враг.

М и л о в з о р о в. С ним разговаривать-то немножко страшно, он сильнее меня.

Коринкина. Ну, уж это твое дело. Как же ты осмеливаешься играть драматических любовников, если ты боишься пожертвовать собой, хоть раз в жизни, для меня, за все, за все...

Миловзоров. Ну, хорошо, мой друг, хорошо.

Коринкина. Ты только вообрази себе, какой это будет спектакль! Что за прелесть!

Дудукин за дверью: «Можно войти?»

Коринкина. Да, конечно, что за вопрос! (*Тихо Миловзорову.*) Отойди!

Входит Дудукин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Коринкина, Миловзоров и Дудукин.

Миловзоров. Здравствуй, Нил. (*Вынимает у Дудукина из бокового наружного кармана портсигар, достает несколько папирос и кладет в свой, на что Дудукин не обращает никакого внимания.*)

Дудукин (*Коринкиной*). Как ваше здоровье, моя прелесть? Вы вчера были как будто расстроены?

Коринкина. С чего вы взяли! Я совершенно здорова.

Дудукин. Ну, тем лучше, тем лучше. Очень рад.

Миловзоров. У тебя запас большой?

Дудукин. Бери, сделай милость, без церемонии.

Миловзоров. Когда же я с тобой, Нил, церемонюсь; ты меня обижаешь. (*Кладет обратно Дудукину в карман портсигар.*)

Дудукин (*Коринкиной*). Позвольте вашу белоснежную ручку прижать к моим недостойным губам. (*Целует руку Коринкиной.*)

Коринкина. Я-то здорова, Нил Стратоныч, совершенно здорова; вот вам бы с доктором посоветоваться не мешало. Я за вас серьезно опасаться начинаю.

Дудукин. Что так? Нет, я, грех пожаловаться, никакого изъяна в себе не замечаю.

Коринкина. Я боюсь, что вы окончательно с ума сойдете. Не болят руки-то после вчерашнего?

Дудукин. А, понимаю, понимаю. Восторгался, в экстаз приходил. Да ведь уж и игра! Ну, вот скажи, Петя: вот ты сам был на сцене. В сцене с тобой, например?

Миловзоров. Со мной, Нил, всякой актрисе легко играть. У меня жару много.

Дудукин. Жару? Однако ты вчера два раза так соврал, что чудо.

Миловзоров. Ах, Нил, я горяч, заторопишься, ну и невольно с языка сорвется.

Дудукин. А как ты иностранные слова произносишь! Уж бог тебя знает, что у тебя выходит.

Миловзоров. Роли плохо переписывают. Да для кого, Нил, стараться-то? Ну, хорошо, ты понимаешь, а другие-то! Им что ни скажи, все равно. Ведь у нас какая публика-то!

Дудукин. Ну, уж зато кто понимает, так даже в изумление приходят. Думаешь, боже ты мой милостивый, откуда только он берет такие слова! Ведь разве только в ирокезском языке такие звуки найти можно. Ты, пожалуйста, не обижайся!

Миловзоров. Ну, вот еще. Ты, Нил, прав: не ты один, и другие мне то же говорили; да знаешь, жалованье небольшое, так не стоит очень стараться-то.

Дудукин. А вы, красота моя неописанная, не извольте гневаться. Я изящное люблю во всех видах. У людей со вкусом отношение к изящному совсем другое, особенное, совсем не то, что к живой красоте. Тут ревность неуместна.

Коринкина. Да кто вам сказал, что я ревную! Я вам сейчас докажу противное!

Дудукин. Доказывайте, мое блаженство!

Коринкина. Вы восхищаетесь Кручининой, подаете ей венки, собираете деньги на подарок — вы думаете, это ей нужно? Всего этого она видала много. А вот догадки у вас нет, как доставить ей удовольствие. Она живет в дрянной гостинице, в грязном номере, сегодня спектакля нет: что она будет делать дома вечером? Приедут к ней два-три поношенных театрала с своими, извините, глупыми восторгами, — вы думаете, это весело? Вы ее не познакомили с обществом, да и с артистами она видится только на репетиции; что бы вам нынче у себя вечер устроить с хорошим

ужином и пригласить ее, только чтобы общество было избранное. Вы пригласите кого-нибудь из знакомых; а артисты уж это дело мое, я знаю, кого пригласить. Нравится вам моя мысль? Похоже это на ревность?..

Дудукин. О нет, какая ревность! Вот это идея, идея! Мегси, мое сокровище! Как это: женский ум... женский ум..?

Миловзоров. Женский ум лучше всяких дум.

Дудукин. Вот что правда, то правда! И как это мне в голову не пришло! Я, Петя, полагаю, что мы неблагодарны, что мало мы у женщин ручки целуем.

Входит Шмага в новом пальто и в шляпе на ухо. Раскланивается.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Коринкина, Миловзоров, Дудукин и Шмага.

Шмага (*Дудукину*). Меценату, просвещенному покровителю искусств и всяких художеств! Ну-ка, меценат, одолжите сигарочку!

Дудукин. Из каких тебе?

Шмага. Да уж я постоянно один сорт курю.

Дудукин. Какие же?

Шмага. Чужие.

Дудукин дает ему сигару, которую Шмага завертывает в бумажку и кладет в карман.

Это после, за завтраком.

Миловзоров. Шмага, ты не видал Незнамова? Будет он на репетиции?

Шмага. Кто ж его знает! Я не нянька его.

Коринкина. Вы, кажется, такие неразрывные были.

Шмага. Чего на свете не бывает. И мужья с женами расходятся, а не то что друзья.

Дудукин. Вот чудо-то! Какая кошка между вами пробежала?

Шмага (*важно*). В убеждениях не сошлись.

Коринкина. Вы не смешите! Ну какие у вас с Незнамовым убеждения?

Дудукин. В самом деле, Шмага, что-то я у тебя прежде убеждений не замечал.

Шмага. Напрасно; убеждения у меня есть твердые. Вчера у меня, сверх всякого ожидания, деньги завелись, так, бешеные набежали, с ветру.

Милозоров. Да, видим, видим, что ты в обновке.

Шмага. Мое убеждение такое, что надо их непременно пропить поскорее. А вы говорите, что у меня нет убеждений. Чем это не убеждение? И я убеждал Гришку отправиться в трактир «Собрание веселых друзей». Но убеждения мои не подействовали.

Дудукин. Отказался? Неужели?

Коринкина. Да это он сказки рассказывает.

Шмага. И не только отказался, но оскорбил меня словесно и чуть-чуть не нанес оскорбления действием; немножко бог помиловал. Кончено! Гришка погиб для нашего общества!

Милозоров. Для какого?

Шмага. Для «Собрания веселых друзей». Я потерял лучшего своего друга.

Дудукин. Да что с ним сделалось?

Шмага. Очень просто: нить в жизни потерял.

Милозоров. Как это нить потерял? Какую нить?

Шмага. Ну, вот еще, какая нить! У всякого своя нить. Ты вот любовник и на сцене, и в жизни, ты свою нить и тянешь, и нам надо было свою тянуть.

Коринкина. В «Собрании веселых друзей»?

Шмага. Конечно. Как человек нить потерял, так пропал. Ему и по заведенному порядку следует в трактир идти, а он за философию. А от философии нападает на человека тоска, а хуже тоски ничего быть не может.

Дудукин. Незнамов — и за философию!.. странно.

Коринкина. Что его сглазили, что ли?

Шмага. Сглазили.

Коринкина. Кто же?

Шмага. Приезжая знаменитость.

Коринкина. Да ты врешь. Пошел вон!

Шмага. Нет, уж это верно.

Коринкина. Милозоров, это надо принять к сведению.

М и л о в з о р о в. Примем.

Ш м а г а. Кончено... Прощай, голубчик! Нить потерял.

М и л о в з о р о в. А ты не теряешь?

Ш м а г а. Еще бы. Что мне за расчет! Вот я хочу к меценату обратиться с предложением услуг.

Д у д у к и н. Благодарю. Каких услуг, мой друг?

Ш м а г а. Я подозреваю, что у вас есть намерение угостить нас, первых сюжетов, завтраком; по этому случаю вы мне дадите денег; а уж я, так и быть, услужу вам, схожу куплю пирогов, колбаски, икорки и прочего.

К о р и н к и н а. Только, пожалуйста, не здесь.

Ш м а г а. Ну, вот еще! Завтрак для первых сюжетов, так мы и пойдем туда, где первые сюжеты одеваются.

М и л о в з о р о в. Куда ж это?

Ш м а г а. На верх, на чердак, в общую, где статистам бо-роды наклеивают.

Д у д у к и н. Услужи, послужи! Подожди немного на сцене, я только повидаюсь с Еленой Ивановной.

М и л о в з о р о в. Да коли увидишь Незнамова, так пошли его сюда.

Ш м а г а (*показывая на сцену*). Да вон он!

Дудукин и Шмага уходят.

К о р и н к и н а (*у двери*). Незнамов, зайдите на минуту!

Незнамов входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Коринкина, Миловзоров и Незнамов.

Незнамов. Что вам угодно?

М и л о в з о р о в. Здравствуй, Гриша!

Незнамов. Здравствуй!

К о р и н к и н а. Что вы от нас бегаете?

Незнамов. От кого: «от нас»?

К о р и н к и н а. Ну, от меня.

Незнамов (*окидывая ее глазами*). Да я никогда при вас и не состоял. Этого счастья удостоен не был.

Коринкина. Кто ж виноват! Вы сами не хотели; вы такой нелюбезный. Не ждете ли вы, что женщины за вами будут сами ухаживать? Хоть это и бывает, да очень редко. Надо, чтоб вы сами...

Незнамов. Не могу. Я в эту должность не гожусь.

Коринкина. В какую?

Незнамов. Ни в пажи, ни в Амишки. Это вот уж их дело. (*Указывая на Миловзорова.*) Что же вам угодно от меня?

Коринкина. Ах, да ничего особенного; только не будьте таким букой, не удаляйтесь от нашего общества. Ну, что вам за компания Шмага!

Незнамов. Позвольте, позвольте! Шмагу не трогайте. Во-первых, он весел и остроумен, а вы все скучны; во-вторых, он хоть дрянь, но искренен: он себя за дрянь и выдает; а вы все, извините меня, фальшивы.

Коринкина. Ах, боже мой, я и не говорю, что мы святые; и у нас есть недостатки: и фальшь, и все, что вам угодно. Да простите нам их, как вы прощаете Шмаге; не судите нас строго!

Незнамов. Простите, не судите. Не хочу я ни судить, ни прощать вас; что я за судья! Я только сторонюсь от вас и буду сторониться, потому что вы сейчас же поставите меня в дураки и насмеетесь надо мной.

Коринкина. Ах, что вы, что вы!

Миловзоров. Ах, Гриша! Зачем такая недоверчивость, мамочка!

Незнамов. В два голоса принялись!

Коринкина. Вы такой милый и водитесь с Шмагой.

Незнамов. Милый? Давно ли? Что вы мне поете? Ведь вы меня не любите?

Коринкина. То есть... не любила.

Незнамов. А теперь полюбили?

Коринкина. Уж вы многого захотели? Разве так прямо спрашивают! (*Смеется.*) При свидетелях я не признаюсь.

Незнамов. Ну, я как-нибудь вас без свидетелей поймаю.

Коринкина. Тогда другое дело.

Незнамов. Говорите ясней, говорите прямо! Что вам нужно?